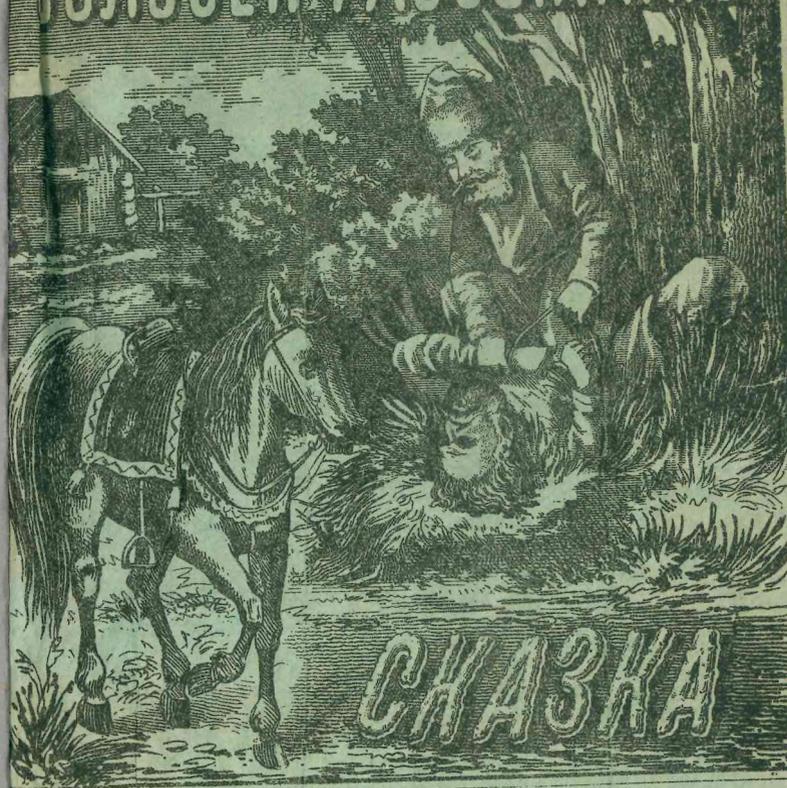

570 73

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИКЪ

СКАЗКА

A $\frac{560}{560}$ $\frac{215}{560}$

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ,

БОГАТЫРЬ БРЕСТЯНИНЪ

ВРЕМЯ ВЛАДИМИРОВЫХЪ

И

СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

НАРОДНАЯ СКАЗКА.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Верхняя Висловка, собственный домъ.

1896.

— Богачества у насъ съ тобой много, живемъ и счастливо и довольно, а дѣтьми насъ Богъ не благословилъ, Иванушка Тимофеевичъ, говорила жена его, Евросинья Яковлевна.

— Что же дѣлать, родная моя, Евросинья свѣтъ Яковлевна! видно про все то Богъ вѣдаетъ и наказалъ за прежніе великіе грѣхи.

— А давай-ко ты, родной мой мужъ, просить у Бога себя дѣтища. То не смилуется ли надъ нами, Владыко нашъ милостивый, те не благословитъ ли насъ дѣтищемъ въ наши годы на утѣшеніе, въ старыя годы на прокормленіе. Между нами все совѣтъ и любовь, миръ и согласіе, помолимъ-ла Господа.

Стали они просить Бога; и родился у нихъ Илюшка, дѣтище малое, не удалое: пришло времечко, нужно бы Илюшкѣ ходить, а нашія Илюшка ногой не дрогнетъ, съ мѣста на мѣсто вершка не сползетъ; такъ прошле не годъ, и не два, и не три, а цѣлыхъ тридцать и три года, а Илья, голубчикъ, все безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошелъ отецъ съ матерью на покосъ, сѣно убирать, а сынъ остался на печи сидѣть, значитъ остался

домахою ¹⁾ въ это время страдное. По Божьему велѣнію шли—тришки въ келью Илья два каліки ²⁾,—перехожіе; остановились они у окошечка косящата и просятъ они милостыни.

— Эхъ, братцы, убогіе! много у насъ всякаго добра и жита, и Божья хлѣбушка, да некому всего этого вамъ дать-подать: самъ я тридцать три года убогъ человекъ.

— Встань-ко самъ, не обманывай насъ, говорате ему въ отвѣтъ каліки перехожіе.

— Гдѣ же мнѣ встать? отвѣчалъ Илья вотъ ужъ я сижу сиднемъ тридцать лѣтъ и три года отъ самаго рожденія.

— Да ты только вставай, а намъ до лѣтъ дѣвъ нѣтъ, корятъ опять въ одинъ голосъ посятители.

Сидитъ Илья Муромецъ на печи, сидишку свою извѣдываетъ, могучими плечами пошевеливаетъ, а ноги все таки словно плети.

— Охъ, братцы! чую, что сила есть, а не въ примѣтъ, чтобъ ноги хоть на волосъ подвинулись.

¹⁾ Домахи, домовитый, пр. автора.

²⁾ Каліки—калѣки, убогіе, пр. автора.

— Вставай, вставай!.. полно ибжиться! говорить ему въ третій разъ нищяя братія.

На этотъ разъ Илья Муромецъ трогаетъ ногу—подымается, трогаетъ другую—подымается, и встаетъ какъ встрепанный.— Ну-тка, Илюшенька, добренький! принеси-ка намъ пивушка хмѣльнаго, говорятъ посетители.

Илюшка опрометью бѣжитъ въ погреба глубокіе, приноситъ пива хмѣльнаго подтора ведра нищей братіи; самъ подвизывается.

Нищяя братія ему пиво отворачиваетъ.

— Допрежь сею вышей самъ все.

Поднимаетъ Илья Муромецъ братину мѣдную, выпиваетъ ее за единый махъ, и пивца не осталось, знать и на доньшгѣ.

— Ну-ка сходи-ка-сь, Илюшенька, еще за пивомъ, да напои-ка насъ, говорятъ опять нищяя братія.

Взять Илья братину больше прежняго, пошелъ онъ въ погреба глубокіе, опустился ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того, и подноситъ наливкамъ перехожимъ.

— Вышей-ка самъ допрежь насъ все, говоритъ ему нищяя братія.

Илья не обмолвился, выпилъ вторую братину, какъ ни въ чемъ не бывало.

Тутъ двое странныхъ нищей братіи спросили его, Илью:

— Много ли, Илья, въ себѣ чуешь вольной силушки?

«Отъ земли бы столбъ былъ до небушка
Къ столбу бы было золотое кольцо,
За кольцо бы взялъ, съзату Русь поворотилъ.»

— Эго! подумали про себя нищѣ, сыто мы употчивали своего Илюшу: эго на него земли не станеть, поубавимъ силы. И опять посылаютъ за пивомъ уже въ третій разъ.

— Поди, принеси еще пива да напои насъ.

Взялъ Илья братину пуще прежняго побѣжалъ въ подвалы глубокіе, опустился ниже того—наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того, и подноситъ наливкамъ перехожимъ:

— Вышей-ка самъ все, отказывались въ третій разъ нищѣ, отворачивая подносимую братину.

Выпилъ до дна Илья и третью братину, не оставилъ на доньшгѣ ни капельки.

Тутъ спросили въ третій разъ калики перехожіе:

— Что, какъ, Илюшенька, чувствуешь свою силушку?

— Поубавилось силушки на поховинушку,
отвѣчалъ новый герой, отряхиваясь, при-
осаниваясь.

Проводи же насъ Илья, къ высокому бугру,
Къ высокому бугру, во чистое поле,
Во чистое поле, на раскатытый холмъ.
Вотъ Лапша нашъ сваряжется,
Во чистое поле наряжется,
На холму Илья съ пива пьязъ прилежь,
Богатырски уснуль на двѣнадцать день.

Пришли отецъ съ матерью: дома сперва
наперво да удивились, и потомъ огоревали-
ся, а наконецъ сего, нашли его! Удивились
родители на свое дѣтище и всиланнули. Не
думано, неслышано, какъ оно стало крѣпко
на ногу и во зѣмлю оно силу великую.
Сдвигались они, что подѣялось съ ихъ дѣ-
тищемъ, Ильей Муромцемъ.

Вотъ и надумалъ Илья Муромецъ дѣло ве-
ликое, дѣло ратное; обращается онъ къ от-
цу, къ матери, слезно плачетъ, въ ноги ку-
чится и говоритъ своему родному батюшкѣ:

— Государь ты мой, батюшка, Иванъ Ти-
мофеевичъ! купи ты мнѣ жеребенка шелуди-
ваго; дай за жеребенка пятьдесятъ рублей
съ полтиною, корми ты его тѣстомъ пше-
ничнымъ и пои-воспой сытою медовою: вы-
води кататься по три утреннія зари на зе-
леный лугъ, на муравушку шелдовую, чтобы

посталъ посталъ жеребенокъ мой поигрывать,
— чрезъ Огурѣнку перепрыгивать.

Родители его не замедлили исполнить
просьбу своего дѣтища; купили, вспоили доб-
раго жеребчика! изъ шелудиваго да нар-
щиваго взросъ подросъ богатырскій конь;
и опять Илья Муромецъ пристаеъ къ сво-
имъ родителямъ:

— Государь ты мой батюшка, Иванъ Ти-
мофеевичъ! Государыня моя, матушка, Еро-
синья Яковлевна! дайте мнѣ великое бла-
гословенъице ѣхать въ Кіевъ-градъ, къ кня-
зю Володиміру на поможеніе и на сбереженіе,
заложенъице за князя Володиміра, послужить
ему вѣрою правдою, постоять за вѣру хри-
стіанскую.

Отвѣчаетъ на это старъ-мужичекъ, Иванъ
Тимофеевичъ:

— Я на добрия дѣла тебѣ благословеніе
дамъ, а на худыя благословенія итъ; ѣдешь
ты въ ратномъ полѣ, не мысли зла на та-
тарина, а пуще того не убей христіанина.
Попомни и то, мое дѣтище, что ко Кіеву-
граду и дороги итъ. Свѣтъ чадо порожден-
ное, потеряешь ты свою буйную головушку,
вмѣсто пуговки, ни за денежку; заложилъ
ту дорогу ровно тридцать годовъ Соловей
воръ разбойничекъ, и со дѣтками и со дѣв-

нами! Вотъ почему путями окольными идти
пришело ровно два года, ѣхать конному—
полтора года до стольнаго Кіева.

— О! подумалъ Илья Муромецъ, это не
по нашему; чѣмъ ѣхать полтора года, нуж-
но бы проѣхать въ полтора часа. Беретъ
Илья Муромецъ старшій косарь, выковываетъ
изъ него три казенныя стрѣлы, занавиваетъ
ихъ въ мать сырой земли, собираетел въ
дороженьку, принявъ заповѣдь родителюу,
чинить заповѣдь кривуюу.

Станичники.

Охъ вы, люди, люди добрые,
Люди добрые, шабры 1) ближніе.
Вы скажите мнѣ про старое;
Про старое, про бываюе,
Про стараго казана, Илью Муронца.

Не бѣлы-то снѣги въ полѣ забѣдѣлися,
не туманы затуманилися, затуманился, за-
пашался въ полѣ вольный казакъ, Илья Ива-
новичъ, изъ того ли села Карачарова, сна-
рядился онъ большимъ нарядомъ и поѣхалъ
онъ по проѣзжей дорогѣ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ долго ли, мало ли,
подъѣзжаетъ къ высокой горѣ; прекрутая
большая гора и на ней все песекъ сылучій;
наслу Илья Муромецъ въѣхалъ на своемъ
конѣ. Въѣхалъ Илья Муромецъ, на всѣ сто-
роны оглядывается, и видитъ стоять столбъ,
а на немъ три надписи.

1) Шабры—сосѣди. Пр. авт.

Прямо ѣхать—убитому быть.
Влѣво ѣхать—женатому быть.
Вправо ѣхать—богатому быть.

Что мнѣ богатство—старому не прочно, жениться не къ младости, поѣду ко я пря мой дорогою: убить-то меня не прочно, да и взять-то съ меня нечего: одинъ смуръ кастанъ мнѣ во сто рублей, кушачекъ-копачекъ во тысячу, да стрѣлы въ кочань, а коню, да сѣдлу по мнѣ и счегу нѣтъ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ во чистое поле прямою дорогою по проталинкѣ, стегаетъ коня по крутымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается, первый свокъ ступилъ, за пѣть он вереть отнестъ, а въ другой уснокъ прѣхатъ въ тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ мосты калиновы, что лежатъ чрезъ рѣку Смородину.

Ѣдетъ Илья Муромецъ лѣсами Брынскими, чрезъ черныя грязи Смоленскія, заѣхалъ во темны лѣса, и навязываетъ коня на бѣлыхъ шатры, а во бѣлыхъ шатрахъ пирь лироодвали, бесѣды бесѣдовали добрыя молодцы-и камышнички, станичнички, али проче смазати, —воры разбойнички, котѣвываютъ мвоу.

Увидали стараго разбойнички, полюбилися а имъ богатырскаго коня, какъ стали они про-межь себя совѣтъ держать, какъ бы этого

коня себѣ достать, какъ ты экую лошада пріарканить: вотъ обловили они Илью Муромца, окружили богатыря, хотятъ стараго ограбить, разлучить его тѣло бдное съ богатырскаго душой.

— Эхъ вы, удалы молодцы станичнички, нечего вамъ съ меня взять, нечего отъ меня отнять. Только всего у меня и есть что смуръ кастанъ во сто рублей, шапка да кояся во тысячу, а коня моего вамъ и во все не кушитъ, потому что ему, моему удалому коню, съ сѣдломъ и цѣны нѣтъ; онъ броду не ищетъ, а если берегъ отъ берега на версту, то онъ перескакиваетъ, а черезъ мелкіе ручьи перешагиваетъ. И при этомъ снимаетъ онъ заповѣдь великую, вынимаетъ изъ шестопера *) кадену стрѣлу, стрѣляетъ онъ на прикладъ во сырой матерой дубъ; и взвыла тетивка у туга лука, изломала она кривовистый стволъ, исщепало его въ черенья ножевые: испугались станичнички отъ богатырскаго погрома, понадали они на мать сырую землю и два часа безъ ума лежатъ, а послѣ того пробуждаются, и Сема встаетъ—пересемываетъ, и Спира встаетъ да посопиреваетъ.

*) Колчанъ.

— Что, ребяташки, обробѣли, аль богатырей не выдывали? Ну, тиа, вставайте, добрые молодцы, на борзыхъ коней.

Встали тутъ все станичники, въ поясъ вланиются Ильѣ Муромцу и просятъ пощадить имъ животы. Предлагаютъ ему свою золотую казну, камни самоцвѣтные и платье цвѣтное.

— Куда мнѣ съ вашимъ грабленнымъ добромъ, отвѣчалъ удалый казакъ. Развѣ русскіе богатыри этимъ добромъ пользуются.

— Будь нашимъ атаманомъ, говорили станичники.

— Не нужно мнѣ ничего; ѣду я служить върою правдою во столичный городъ Кіевъ, красному солянышу, князю Владимиру! и поворотилъ коня на Кіевъ.

Ильѣ—защитникъ Чернигова.

Выѣхалъ Ильѣ Муромецъ въ чистое поле, во широкое раздолье, тою ли дорогою мало-важею, которую залегалъ Соловей разбойникъ ровно тридцать лѣтъ. И скачетъ Ильѣ Муромецъ по этой дорогѣ, бьетъ коня по крутымъ бедрамъ до черна мяса. Ретивый его конь осержается, прочь отъ земли отдѣляется; онъ скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Первый скокъ вскочилъ на пятнадцать верстъ, въ другой скачекъ колодезь сталъ; Илюша на томъ мѣстѣ срубъ срубилъ, поставилъ часовеньку и на ней написалъ свое имячко, а какъ въ третій скокъ скочилъ, то Ильѣ Муромецъ какъ разъ подъ Черниговомъ сталъ.

А въ тѣ поры подъ Черниговъ градъ подступила рать сила великая, смѣты итьѣ. Подъ Черниговомъ стоятъ три царевича, съ каждымъ силы ровно по сорома тысячъ.

Эхъ! разыгралось, разгорѣлось не у мѣста богатырское сердце Ильи Муромца, пуше сердца, пуше чѣмъ пляштова *) мороза разгорается.

Не хотѣлось бы батиюшковымъ супротивникомъ быть, а знать военную заповѣдь преступить.

Вотъ натягиваетъ Илья калену стрѣлу, пушаетъ онъ ее въ поле ратное, взвила тетива звончатая и пустилась съ свистомъ калена стрѣла. Оглушила она неприятеля, попадали они ничья ночью по всему полю Черниговскому; рветъ стрѣла на пути своемъ и дубы столѣтніе и лѣсъ рудовой **) и пашетъ она землю; гдѣ жаломъ ткнетъ, такъ на сажень рванетъ, а гдѣ хвостомъ пернатымъ лизнетъ, такъ канаву выроетъ. Положила та стрѣлушна войсва, счета нѣтъ. Илья то Муромецъ за ней во слѣдъ мчитъ и топчетъ злаго ворога, устилаетъ путь—дороженьку, трупами увладываетъ, или булатнымъ мурзавецкимъ мечемъ, не столько бьетъ, сколько конемъ топчетъ, сидитъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ и добирается до трехъ царевичей.

*) Палацаго.

**) Красный.

— Охъ, вы, витязи царевичи!.. Что мнѣ дѣлать-то съ вами, ясны соколы? говорить въ раздумьѣ Илья Муромецъ. Въ полонѣ ли мнѣ васъ взять или буйныя головы съ могучихъ плечей отнять?—О, да нѣтъ! мнѣ въ полонѣ васъ взять не для чего. У меня дороги заѣзжія, а хлѣба завозные, а если же снять ваши буйныя головы—значитъ погубить ваше дерево родословное. Такъ побѣждайте съ Богомъ по своимъ мѣстамъ, да чиките вездѣ славушну; что же святая Русь безъ могучихъ плечъ, да безъ богатырскихъ силъ никогда не живетъ. Царевичи со стыдомъ тутъ же разѣхались въ разныя стороны.

Увидали то воеводы Черниговскіе; встрѣтили его князь Черниговскій съ воеводами у градскихъ воротъ; съ хлѣбомъ-солью принимаютъ добра молодца за бѣлы руки: благодарятъ его за спасеніе, и молятъ его поклономъ низеимъ, словомъ ласковымъ препожаловать въ ихъ городъ.

— Ахъ ты, дородный, добрый молодецъ, соколъ ты нашъ ясный! говоритъ ему князь Черниговскій, вводя его въ свои терема златоверхіе, и сажая его за дубовые столы, за снатерти бранныя и за явства сахарныя.

— Ты скажи намъ какъ тебя чествовати: какъ тебя по имени зовутъ, какъ тебя по отчине величаютъ и какого ты роду-племени? спрашиваетъ князь.

— Зовутъ меня Илейко, а по отчине сынъ Ивановичъ; родомъ я сынъ крестьянскій, а не боярский, живу я во столичный градъ Киевъ на вспоможеніе и обереженіе нашего свѣтлаго солнышка, князи Владимира, стѣвчаетъ князь Илья Муромецъ.

— Остаешься у насъ въ Черниговѣ, будешь и въ чести и въ холѣ, боярство дамъ, а до Киева дорога не проста лежитъ, тамъ залегъ алатырецъ некрещеный, чудище поганое, онъ чинитъ обиду всякому, кто держитъ путь мимо его поганой залогѣ.

— Что мнѣ до того, что лежитъ тамъ чудище поганое, на то у меня колева стрѣла, на то далъ мнѣ Богъ силушку, чтобъ я очищалъ тропы забытыя, да пути засоренныя, а съ басурмановъ да вороговъ Руси святой свѣсъ высокую слодачивалъ. Послѣ пиру долгаго, послѣ радости великия, собирался Илья въ пустъ дороженьку. Провожаютъ Илья Муромца стары-старыи и добры молодцы — Черниговцы съ хлѣбомъ солью и подарочками.

Соловей разбойникъ.

И нахалъ онъ, Илья, на Соловья разбойника,
И слышалъ Соловей разбойникъ,
Того ли топота коннаго,
И той ли поѣзда богатырскаго,
Засвисталъ Соловей по соловьиному.

Кирша Даниловъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ ко столеному городу Киеву, тою ли прямою дорогою — мало-взлею, гдѣ залегъ Соловей разбойникъ слишкомъ тридцать лѣтъ, не пропуская ни коннаго, ни пѣшаго мимо своей оквянкой залогѣ; сидѣло это чудище — поганище некрещеное, на девяти дубахъ, побивало это чудище крещеный людъ не боевымъ строемъ, а своимъ соловьинымъ свистомъ. Какъ засвиститъ это чудище въ полсвиста, замираетъ листъ во зеленомъ лѣсу, а какъ гаркнетъ онъ въ полный свистъ, оглушитъ онъ добраго молодца.

Слышитъ вдругъ Соловей разбойникъ богатырскаго конскій топотъ, да какъ свиститъ, перво на перво, по соловьиному, во второй разъ зашипѣлъ по змѣиному, а въ третій разъ по туринному.

Со свисту, да съ шипу, да со рывку туринаро, богатырскій конь подь Ильей спотыкается, съ пути сбивается, а подьѣхалъ ко гнѣзду Соловья, падаетъ на куворачь, чего никогда съ добрымъ молодцемъ не бывало, люди добрые не слыхивали.

Вскнижалъ гнѣвомъ Илья Муромецъ, на своего коня ругаючись.

— Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ! Ахъ ты въ жизнь свою не слыхивалъ, какъ быки режутъ, какъ змѣи шипятъ, соловей свиститъ. Снимаетъ Илья Муромецъ съ плечъ могучихъ тугой лукъ и накладываетъ кадену стрѣлу, натетивочку шелковую, посылаетъ онъ посланничка и попадаетъ онъ Соловью разбойнику въ лѣвый глазъ. Не выдержалъ разбойникъ богатырской руки, комомъ свалился на сыру землю.

Не дремать богатырь надъ кривымъ разбойникомъ; приковылалъ онъ его, прищуривлявалъ къ стремени булатному, сагаетъ его въ торока, какъ овсяный снопокъ, и поѣхалъ лѣсомъ волокомъ, какъ завидѣлъ онъ палаты белокаменные, подворья Соловья разбойника.

Завидѣвъ Соловей разбойникъ свои па-

латушки, забился, затрепеталъ на стремени булатномъ

— Отпусти меня, могучій богатырь, и возьми себѣ все добро мое, подворье белокаменное, злато серебро и камни самоцвѣтные, промѣни ты мнѣ на волюшку.

Илья молчитъ и подьѣзжаетъ не спрашиваючись ко подворью белокаменному.

То подворье было на семи верстахъ, а кругомъ отъ его желѣзный тынъ изъ булатныхъ копѣй, а на каждомъ копѣѣ по человѣчьей головѣ.

Въ тѣ поры Илья Муромецъ сталъ противъ подворья белокаменнаго. Какъ увидѣла молодая жена въ торокахъ мужа своего, вотъ она убивается, горячими слезами заливается и бѣжитъ она на свѣтлый теремъ, будить она своихъ девять сыновей.

— Дѣти мои, милые! берите вы золотыя ключи, отмыкайте вы желѣзные замки, отворяйте вы златотамы сундуки, берите вы золотую казну, выносите вы сильному богатырю, выкупайте вашего батюшку, онъ-де въ торокахъ спутанъ и убивается.

Просыпаются дѣти Соловьевы: ломаются, жорчятся и думаютъ кривую думу.

— Что намъ братцы, мужика обдаривать, пойдете-ко, братцы, примемъ его по на-

шенски, по разбойники. Но только сказали, а дѣла не сдѣлали; оторопь взяла. Пошла жена Соловья къ двумъ зятяамъ своимъ. Стала она имъ кланяться. Зятюшки, мои милыи! помогите въ бѣдѣ моей; вѣдь батюку-то везеть мужикъ въ торогахъ. Но зятя съ просонья поняли, что не батюшку мужикъ везеть, а батюшка мужика везеть! и опять оба зятя во пуховыхъ перинахъ пролаживаютъ..

Вотъ выбивала баба сама къ воротамъ къ дубовымъ, выбивавши, — слова молвила:

— Гей еси, удалъ добрый молодецъ! бери сколько надобно золотой наизы, отпусти ты только Соловья на дворъ! Не принимай етъ удалецъ серебра золота; оборачиваетъ онъ своего коня.

Разсвирѣпала тогда вѣрная жена Соловья разбойника, схватила она во бѣлыя руки подворотню вязовую и взмахнула ей, целясь въ голову Ильи Муромца.

Обернулся богатырь, вынулъ онъ свой будатный мечъ, размахнулся и хватилъ по голове разъяренной бабы мечемъ въ полвмаха. Разсѣкъ Илья тѣло бѣлое на двое, увязилъ онъ въ землю мечъ по рукоять и отправился ко граду Кіеву.

Владиміръ—нрасное солнышко.

„Боторой ты, молодецъ, ѣхалъ дорогою, Прямовъжею, или окольною?

Пріѣхали Илья Муромецъ съ Соловьемъ-разбойникомъ въ стольному городу Кіеву. Пошелъ Илья Муромецъ допрежъ всего слушать обѣдню великую, воскресенскую.

Увидаль его въ тѣ поры князь Владиміръ, и увидѣвши его, началъ спрашивать.

— Ты какой земли, добрый молодецъ, какого города, и какъ тебя звать-позывать, величати?

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ, крестьянскій сынъ; а здѣсь князь, не то поють, не то и слушаютъ, здѣсь обѣдня воскресенская, сказала Илья. Вотъ просить Владиміръ Илью Муромца, опосля обѣдни трапезу откушати:

Собираются удалы молодцы на широкій

дворъ красна солнышка Владиміра, Выѣзжаетъ туда онъ, Илья Муромецъ, посреди двора сходить онъ съ коня, и привязываетъ его къ дубовому столбу, ко кольцу червленнаго золота.

Вотъ встрѣчаетъ его кievскій воевода Минула Нивитичъ и началъ его спрашивать: кто онъ родомъ, откуда и зачѣмъ?

— Я калика переходной! а сюда пріѣхалъ поклониться князю нашему Владиміру, отвѣчалъ Илья. Вводятъ Илью Муромца въ гридню княжескую, дѣлаютъ Илью честь святымъ иконамъ, а затѣмъ отдають поклоны на всѣ четыре стороны. А ему поносятъ чару зелена вина въ полтора ведра.

Вотъ и спрашиваетъ вышедшій князь Владиміръ се княгиней Апраксовной.

— А ну-ка, скажи, добрый молодецъ, что твой родъ и племя, чтобъ мнѣ по роду мѣсто дать, по племени жаловать.

— Не великъ мой родъ и племя, но почетны, одинъ я у матушки съ батюшкою уродился, оба они живутъ во селѣ Карачарови и оба правятъ міромъ, а ты, дай ко мнѣ добру мелодцу, свѣтлее солнышко, князь Владиміръ — мѣстечко.

— Кто до мелодцовъ дойдетъ, тотъ самъ

себѣ мѣсто найдетъ, отвѣчаетъ князь Владиміръ.

Илья Муромецъ сѣлъ на снамяю, да пожалъ такъ, что анъ красный сокъ у другаго побѣжалъ. Вотъ и сталъ снова Владиміръ его доспрашивать:

— А что добрый молодецъ, Илья Муромецъ, гдѣ ты ѣхалъ и какъ давно изъ кому?

— Да я стоялъ въ Муромѣ заутреню, а къ обѣднѣ поспѣлъ въ Кіевъ-городъ.

— Что ты свѣтлый князь, слушаешь? Видишь, съ пьяныхъ глазъ, дѣтина завирается: можно ли, чтобъ такъ скоро изъ Муромы въ Кіевъ грядъ поспѣть?

— А какую дорогою ѣхалъ ты? спрашиваетъ Владиміръ князь.

— Ѣхалъ я дорогою прямоѣжею, отвѣчалъ Илья Муромецъ.

— Ну, гдѣжъ тебѣ ѣхать дорогою прямоѣжею? сказалъ Минула сынъ Нивитичъ, тою ли дорогою вѣтъ ужъ тридцать сдѣшкомъ лѣтъ залегъ Соловей разбойникъ, что ни конному, ни пѣшему прохода нѣтъ.

Илья Муромецъ съ мѣста всталъ, повелъ очами на всѣхъ тутъ бывшихъ, да и говорить:

— Охъ ты, гой еси, государь мой батюшка, свѣтъ Владиміръ — красна солнышко,

позволь мнѣ тебѣ сказать правду истинную! не вели ты меня казнить, а вели слово вымолвить, я во дворѣ твой въ торокахъ привезъ Соловья разбойника связаннаго.

Вышли все на широкій дворъ посмотрѣть на чудо Соловья-разбойника. Идетъ Илья къ тому Соловью и говорить:

— А ну-ка, Соловюшка! свисни ка по соловьиному, прощиси по змѣиному, зарывай, звѣрь, по туриному; ты потышь князя со книжнею; да смотри, не въ полднѣй свисть, а въ полсвиста.

Взялъ Илья Муромецъ князя подъ правую руку, а княгиню подъ лѣвую руку.

Свистнула Соловей только въ полсвиста и попадали на дѣстнице князя и бояре и сильные богатыри; разбѣжались кони быстрые со двора долой, и Владимиръ князь чуть на ногахъ стоять, а Апраксѣвна свалилася. Съ хоромъ крыши повалилися, мекалъ воръ-Соловей еще посвистомъ уходитъ самого Илью Муромца, да Илья Муромецъ догадался и разорвалъ, какъ лягушку, злодѣя.

И долице.

Голова-то его съ пивной котель.
Промежду плечъ косая сажень,
Промежду бровей борода въ три пядени,
Промежь ушей пройдець калена стрѣла.

Пождаль онъ, сильный могучій богатырь, по дѣсамъ непроходимымъ, въ полѣ казаковать; идетъ день, другой, третій и все нѣтъ ему сопротивника въ полѣ, съ кѣмъ бы отвѣдать могуча плеча.

Вотъ по многимъ днямъ идетъ ему навстрѣчу калина переходной. Гуни на калинѣ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ а желѣзная тросточка и вся то въ косую сажень, вѣсать двадцать пять пудъ. Захотѣлъ Илья Муромецъ наступиться да отвѣдать богатырской силушки, какъ возвокрилъ ему тутъ каличище.

— Не честь, не честь, добрый матеръ-человѣкъ, Илья Муромецъ, наускаться на каличище переходнаго! не хвала тебѣ и не

радость побивать старь человека. А ты лучше воротись во Киевъ градъ, тамъ случилась невзгодушка, надъ стольнымъ Киевомъ поднялась непогодушка, подъ стѣнами города стоитъ сильный, могучій богатырь: головища его, что пивной котель, въ могучихъ плечахъ косая сажень: създаеть этотъ идолище въ разъ по цѣлому быку, выпиваетъ въ разъ по цѣлому водлу, туго-туго скорбитъ православный крещеный людъ.

— Спасибо тебѣ, калика переходный, а дако-сь мнѣ твою гуношку, а возьми вздвни на себя мое боевое платье, броню крѣпкую. И одѣвшись каликою пошелъ Илья Муромецъ ко престольному граду ко Киеву: не знамо подходитъ Илья ко Киеву, не знамо входитъ на широкій дворъ, великокняжескій, въ стольному князю Владиміру, и никто не узналъ въ платьѣ калики Илью Муромца.

— Государь ты нашъ, батюшка, свѣтъ, ясное солнышко Володиміръ, стольный князь! ты подай, свѣтъ, мнѣ Христову милостыньку, молитъ Илья.

Увидаль Владиміръ калику, и увидавши, слово молвилъ:

— А пооди ка сюда, старь убогъ человекъ,

въ мой златоверхній теремъ. Накормлю я тебя яетвой всякою; напою тебя сытей медовой, надѣлю тебя золотой казной.

Входитъ Илья Муромецъ и видитъ: посреди княжеска терема сидятъ Идолище и проситъ, чтобы ему скорѣ подали ѣсть быка жаренаго;— да скорѣ, а нето я васъ всѣхъ поимъ, угрожалъ злычымъ голосомъ Идолище и отъ гѣва его затряслись палаты бѣлозаконныя. Слуги вѣрные княженские поторопились угостить прожору лакому, втащили въ покои быка, да только и видѣли.

— Ну ка теперь давайте поскорѣ меду сладкаго, сыченова, добавилъ Идолище, поковыривая вязовой дубиной въ зубахъ навязшее мясо.

Усердые и боязливые слуги исполнили желаемое, принесли меду чаны съ краями поены, и Идолище выпилъ все это за единый духъ, только облизался, знатъ очень сладко показалось.

Илья Муромецъ стоялъ по одадь, глядѣлъ и поговаривалъ слова неласковыя:

— Не въ хоромахъ бы жить, не на пиру пировать а съ собаками... у моего государя — батюшки кобыла много жрала, такъ ее разорвало, волчья сыть!

Разсердился чудище на эти слова.

— Смотри, калина перехожій! не тебѣ бы это говорить, а не мнѣ бы слушать эти рѣчи неласковыя. Я не только съ тобой говорить могу да управиться, а отверну голову самому Ильѣ Муромцу. У меня по силѣ ровесника не было, такъ ты лучше ударь мнѣ челомъ о сыру землю, да взвеличай по имени — отчеству.

Не успѣлъ Идолице промолвить эту рѣчь, какъ Ильѣ Муромецъ ему отвѣтъ держалъ.

— А коли не видывалъ Ильѣ Муромца, такъ погляди на меня; я передъ тобою, и снявши свою девяти пудовую шапочку, надвѣлъ съ размаху на Идолице. Идолице такого раза не выдержалъ, шапочки такой не видывалъ, беремечка такого не вытерпѣлъ и выпустилъ свою поганую, некрещеную душеньку.

Тутъ всталъ стольный князь Кіевскій изъ-за дубоваго стола и почествовалъ Ильѣ Муромца мвстомъ подлѣ себя.

— Государь ты мой, батюшка, свѣтъ красное солнышко, мнѣ-ли старину сыну врянскому, сидѣть за княжимъ столомъ? на то, про то, есть у тебѣ сильныя могучи богатыри и витязи, на то и думные бояре и

воеводы, а мнѣ и поодаль стать честь велика. Владиміръ отвѣтствовалъ:

— Ведемъ за княжимъ столомъ мѣсто будеть, а тебѣ за услуги поготово.

Билъ челомъ богатырь Ильѣ — красну солнышку, князю Владиміру, и пошелъ пиръ на весь міръ и ликованье великое про Ильѣ Муромца. Съ тѣхъ то поръ Ильѣ Муромецъ жилъ въ Кіевѣ и сталъ, какъ и другіе, богатыремъ Кіевскимъ. Ъдетъ разъ Ильѣ Муромецъ искать случая съ кѣмъ бы могуча плеча попробовать, силою перевѣдаться, въ вѣрности коня увѣриться. Вотъ и услышалъ онъ, что есть богатырь силы необычайной, съ которымъ ниго не бьется, да и онъ ни съ кѣмъ связываться не хочетъ, а лежитъ, какъ плаха на одной высокой горѣ, а то его отъ силы мать сыра земля не держитъ.

— Семъ-ка, поѣду, хоша посмотрю, что это за богатырь? Подумалъ Ильѣ и поѣхалъ въ чистое поле на широкое раздолье по сыпучимъ пескамъ, свача съ горы на гору; конь Ильѣ Муромца скачетъ, по пяти верстѣ скокъ дѣлаетъ, малыя рѣки хвостомъ заметаеть, большія рѣки впасть преплываеть. Долго-ли, коротко ли, а доѣхалъ Ильѣ Му-

ромецъ до большой горы. Нашелъ богатыря и самъ нанъ гора. Вотъ Илья его «хрясь» щалицей.

— Это что! ужъ никакъ сучкомъ меня зацѣпило, говорилъ лежачій богатырь. Муромецъ, собравъ всю богатырскую силу, повторишь ударъ.

— Впрямъ за камешекъ задѣлъ, опять дѣлаешь замѣчаніе богатырь, такъ, самъ себя. И при этомъ обернулся въ ту сторону, гдѣ Илья Муромецъ.

— А, нежданый гость; непрошенный, сильный богатырь Илья Муромецъ... Если прищель силу мою узнать, лучше и не связывайся: видишь меня, моя сила поборола, мать-сыра земля не держитъ, только и вапшелъ на всемъ свѣтѣ одну гору я, безопасно лежать! Если ты силенъ, такъ и будь сидель. Илья Муромецъ отдалъ честь этому непобѣдимому богатырю и увѣрился, что есть еще сильнѣе его.

Смерть Ильи Муромца.

Однажды Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ повхали побороться съ богатыремъ по имени Невеличка. Богатырь былъ коротенькій да плохенькій. Невеличка хватъ Илью Муромца подъ бока и таково то плотно сдзавилъ ихъ, что тотъ крикнулъ. Ну, ужъ птичка! собой не величка, а носомъ востеръ. Повончилъ этимъ, поухали дагѣе, и нашли домовище*) каменное.

— Ну, братцы! вотъ кому-нибудь обновка, сказала Илья,

— Комунибудь, замѣтилъ Добрыня, а кому не знаю

— Давай помѣряемъ. Ступа, Алеша, попробуй, не годится-ли?

Алеша помѣрилъ, гробъ оказался великъ.

*) Гробъ.

— Ну ка, ты, Добрыня, попробуй. Попробовать: гробъ ему былъ узокъ. Ну, братцы, знать гробъ по мнѣ, сказалъ Муромецъ и, сжавши ратные досѣхи, вошелъ въ него. Гробъ былъ безъ крышки, но послѣ того, какъ Муромецъ въ него улегся, откуда ни взялась каменная крышка, захлопнула его гробъ. Илья Муромецъ закричалъ, пробовалъ приподнять ее, но гробъ не отрывался.

— Возьмите, разбивайте моимъ мечемъ-кладенцомъ, кричитъ Илья.

Добрыня ударилъ мечемъ, но вмѣсто того, чтобы разрушить крышку на гробъ, появились два обруча и крѣпче придавили крышку.

— Рубите обручи, кричалъ Илья.

Алеша и Добрыня рубятъ, но вмѣсто того, чтобы разрушать ихъ, обручи съ каждымъ ударомъ прибавляются.

Алеша и Добрыня сказали Ильѣ:

— Бѣда наша! мы ничего не можемъ помочь, Илья Ивановичъ.

— Простите, товарищи, пришелъ мой конецъ, владѣйте моимъ конемъ и досѣха-

ми и, назначивъ мѣсто, куда поставить гробъ, просилъ приходить молиться къ нему объ его душѣ, а потомъ замолеъ. По онежскимъ пѣснямъ г. Верещагина, Илья Муромецъ, наживъ огромныя богатства, началъ заниматься дѣлами благочестія.

К О Н Е Ц Ъ .

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

ТОВАРИЩЕСТВО И. Д. СЫТИНА ВЪ МОСКВѢ

КОМИССИОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ.

1. Книжный магазинъ на Никольской, въ зданіи „Славяноснаго Базара“.
- КНИЖНЫЯ И КАРТИННЫЯ ТОРГОВЛИ.**
2. Въ Москвѣ: у Ильинскихъ воротъ, д. Титова
 3. и на Никольской ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
 4. Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.
 5. Въ Кіевѣ: Подоль, Гостинный дворъ.
 6. Въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.

МАРОВАЯ ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ И ПЕРЕЧЕТНАЯ.

въ Москвѣ, Вазовая улица, свой домъ.

ИЗДАНИЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

„Всеобщій Русскій календарь“ съ преміей.	Цѣна 20 коп.
„ безъ преміи.	” 15 и 10 „
„Очелюевскій календарь“.	” 30 коп.
„Всероссійскій календарь“.	” 15 „
„Кіевскій календарь“.	” 20 „
„Русскій сельскій календарь“.	” 25 „
„Деревенскій календарь“.	” 20 „
„Отрывной календарь“, большой форматъ.	” 40 „
„ малый форматъ.	” 30 „

въ ОГРОМНОМЪ, РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ:

КНИГИ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЙ,

ДѢТСКІЯ КНИГИ,

НАРОДНЫЯ КНИГИ И КАРТИНЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

50 иллюстрированныхъ номеровъ на годъ, 12 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ приложений и для желающихъ, съ прилатой 1 р., роскошная премія.

Подписная цѣна: 4 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой, на 1/2 года — 2 руб. 50 коп. Допускается разсрочка: по 1 р. въ 3 мѣсяца. Новыя подписчики получаютъ журналъ съ 1 №.

Адресъ редакціи „ВОКРУГЪ СВѢТА“: Москва, Вазовая ул., домъ Т-ва Сытина.

Дозв. ценз. Москва, 14 октября 1895 г. Дпт. Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ.